

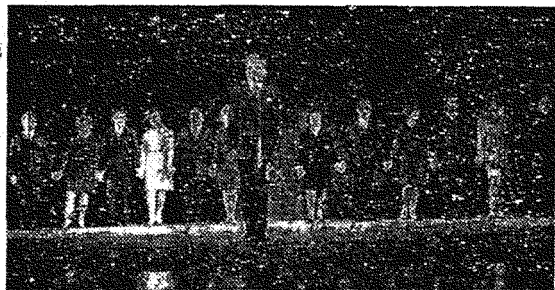
ПРИСТРАСТΙΑ АРТИСТА

Олег ЕФРЕМОВ,
народный артист РСФСР

АРКАДИЙ Райкин — сатирик. Такова природа его таланта. Разумеется, можно любить или не любить подобного рода дарование, но, коль скоро вы пошли на выступление Райкина, вы знаете, что кого-то не будут гладить по головке, что кому-то достанется. Некоторые персонажи должны вас, как и артиста, рассердить, огорчить, и если так случится, то цель, которую артист ставил перед собой, будет достигнута. Кому же хочется быть мимо цели?

Однако — и это свойство дарования Райкина, по моему, тоже всеми замечено, — однако его сатира несколько особого рода. У Райкина есть лирический герой, и он не стесняется его обнаруживать, справедливо полагая, что репутация сатирика от этого не только не пострадает, но даже в чем-то выиграет. И он, по моему, прав. (Кстати говоря, так поступали многие его великие предшественники; высокая патетика присуща сатире, и мы усваиваем это едва ли не со школьной скамьи).

Но вернемся к лирическому герою. В новой программе, которая называется «Плюс — минус», есть миниатюра «Рельсы гудят». Человек выходит на сцену и ложится на рельсы. Ложится в некотором раздражении, ожесточении, демонстративно ложится, но, кажется, всерьез.

Финал нового представления «Плюс — минус» Ленинградского театра миниатюр.

Фото И. Когана.

ез. И вот когда он так улегся, вроде бы даже уютно, по-домашнему, мимо него прошли двое и завели с ним разговор. Поначалу они подумали, что просто ноги его подвели: не дошел, мол, до дому, но когда убедились, что человек в здравом уме и твердой памяти, решили его так на рельсах и оставить, не отговаривать. Странно? Преувеличено? Конечно, но правда, основано на правде. Такие, как эти двое, стремились уложить нашего героя в могилу раньше, чем мысль о самоубийстве пришла ему в голову. А почему? Потому что он живой человек, а они — бюрократы, манекены. (Кстати, песенкой о манекенах начинается представление, и она дает ему как бы тон, и тон удачный. В песенке спрашивается: не у всех, разумеется, а у некоторых, кто они: люди или куклы, которым все безразлично?). Те двое — из миниатюры, — они куклы и потому действуют по инструкции, не желая замечать, что она устарела, что мешает делу, что, больше того, калечит человеческие судьбы. И судьбу нашего героя тоже чуть было не сломала, но, как это тоже нередко бывает в жизни, именно равнодушие заставило его поступить им назло.

Мы смотрели эту миниатюру, и, конечно же, наше сочувствие было на стороне человека, и нам всем или, во всяком случае, если судить по реакции зала, подавляющему большинству из нас казалось, что к манекенам мы никакого отношения не имеем. Но даже, если все мы были правы, Райкин тоже был прав, что снова и снова напоминал нам о нашем долге — и перед собой, и, разумеется, перед обществом.

Открытость Райкина, его искренность — чрезвычайно сильное средство воздействия, особенно в сочетании — или в контрасте, как кому нравится говорить, — с его сатирическим пафосом. Он не просто критикует — он бичует, и делает это со страстью и артистически. Артистизм Райкина — следствие и выражение его таланта — составляет особое наслаждение. На него интересно смотреть — всегда. И тогда, когда произносимый им текст дает ему нужную опору, и тогда, когда он этой опоры не дает. Но и здесь Райкин выходит из положения, черпая силы в тех идеях, которые им владеют, и в мастерстве.

Мастерство — вот чем тоже нельзя не восхищаться. Я, например, слушал монолог «В выходной день» и слушал монолог «Звание — человек»; и хотя артист оставался в них самим собой и не стремился к тому, что мы в театре называем перевоплощением, перед нами все равно было два образа. Внутренний мир каждого был точно замечен и столь же точно воплощен артистом. Исходя из своей практики, могу сказать, что это бывает только тогда, когда твердо знаешь, чего хочешь, и добиваешься этого, не жалея сил.

Я не критик, приходится констатировать факт. В мою задачу поэтому не входит всесторонний разбор программы, работы всех коллег Райкина, его авторов. Я попытался выразить те чувства, которые вызвал у меня большой артист.

ПРОДОЛЖЕНИЕ И НАЧАЛО В «НЕДЕЛЕ»
1. МОСКВА

Х 4
ИЮНЬ 1970